

Раздел 1

ЭСТАФЕТА НАУЧНОГО ПОИСКА: НОВЫЕ ИМЕНА

А. А. Михайлова

СТАНОВЛЕНИЕ И РАЗВИТИЕ СИСТЕМЫ ТЕРРИТОРИАЛЬНО-АДМИНИСТРАТИВНОГО УПРАВЛЕНИЯ КАК ФАКТОР УКРЕПЛЕНИЯ СЕРБСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ В XIX в.*

В последние несколько десятилетий отечественная историческая наука сделала большой качественный скачок в своем развитии. В частности, ее резко перестали удовлетворять привычные событийные и панорамные модели представлений о прошлом. Одной из тенденций современной науки стало ее стремление к *расширению своего когнитивного поля* посредством освоения новых предметных областей и направлений, изучающих разнообразные формы быта, социальные практики, поведенческие особенности людей и иные факторы, обуславливающие исторические процессы¹. В то же время, за счет привлечения новых подходов и методов заметно обогатился *теоретический инструментарий*². В поле исследовательского интереса стали попадать не только сами исторические явления, но и их системность, направленность, динамичность и прочие показатели³. Кроме того, в исторической науке активнейшим образом стали применяться и достижения других дисциплин⁴. Иными словами, фокус научного поиска заметно сдвинулся с описания конечных и ощутимых результатов на выявление едва ли заметных с первого взгляда причин, движущих сил и тенденций самого исторического процесса.

---

* По материалам исторического архива «Тимокская крайина», г. Заечар (Республика Сербия).

Такие перемены влекут за собой умножение вариативности научных подходов, а также заставляют историков расширять спектр источников, привлекаемых ими к научной работе. Исходя из этого особое значение приобретает изучение потенциала региональных архивных ресурсов и возможностей их применения при проведении различных исторических исследований.

Упомянутые тенденции в развитии исторической науки характерны и в отношении истории Сербии, которая не только дает возможность оперировать солидным объемом фактического материала, но и позволяет применять самые разнообразные теоретические технологии при ее изучении. Особое внимание современные исследователи обращают на внутренние механизмы исторического развития региона, на социокультурные факторы, на специфику политических и государственных традиций и на многие другие обстоятельства, важные для понимания прошлого и настоящего этой страны⁵. Поэтому наряду с активным изучением бурных десятилетий рубежа XX–XXI вв. в центре внимания балканистов часто оказывается и тот период, когда Сербия формировалась как национальное государство современного типа, т. е. век девятнадцатый⁶.

Начавшаяся в 1804 г. борьба сербов за независимое государство и за ликвидацию вассальной зависимости от турецкого султана привела к обретению ими в 1830 г. автономии в границах бывшего Смедеревского санджака Османской империи. В 1878 г. Сербия получила статус независимого княжества, что в 1882 г. позволило ей объявить себя королевством. Однако еще долгое время после этого она была вынуждена доказывать свою самостоятельность Европе и продолжать борьбу за национальное объединение⁷. Данные обстоятельства заставляют задуматься над тем, как формировалось это государство, как складывалась его структура и как решались возникавшие внутри него проблемы. Попытаемся с помощью архивных документов проследить эволюцию сербских органов внутреннего управления, которые образовались на территориях, освободившихся от власти турецкого султана в XIX в. Этот исторический факт представляется крайне существенным в связи с проблемой государственного строительства, ставшей для Сербии XIX в. определяющей. Кроме того, следует выявить функции, которые выполняли данные органы, а также механизмы взаимодействия власти с населением. Такой подход позволяет установить характер внутреннего управления, сложившегося у сербов в XIX в., что имеет особое значение для понимания дальнейшего развития их государства.

Кроме решения теоретических задач, целесообразно обратить внимание исследователей на возможность практического использования материалов краевых исторических архивов Сербии, потенциал которых отечественными учеными нередко упускается из виду. Таких архивов суще-

ствуется более трех десятков, и все вместе они составляют так называемую *архивную сеть Сербии*⁸. Ценнейшие фонды этих архивов представлены документами местных органов власти и содержат переписку чиновников, хозяйственные отчеты, судебные дела, финансовую и проектную документацию, указы, распоряжения инстанций разного уровня и многое другое. Эти документы не только отражают работу органов управления, но и дают возможность проанализировать механизмы вовлечения народонаселения в формирующую государство организационную структуру, понять, каким образом обретались права и обязанности и через какие институты верховная власть осуществляла взаимодействие с населением своей страны. Другими словами, документы краевых архивов позволяют выдерживать направленность исторических исследований в *антропоориентированном ключе*.

В данной статье приводится ряд ссылок на документы из фондов исторического архива «Тимокская крайна», которые в достаточной мере отражают механизмы регулирования внутренней жизни сербского государства в XIX в. Между тем, обращаясь к ресурсам исторических архивов Центральной Сербии, следует иметь в виду и тот факт, что они нередко страдают скудостью документальных свидетельств по истории, предшествовавшей установлению сербской независимости. Увеличение количества письменных источников наблюдается лишь к последней трети XIX в., что связано с развитием делопроизводства в сложившихся государственных институтах. Кроме того, архивному наследию страны был нанесен колоссальный ущерб в ходе болгарской оккупации в период Первой мировой войны и в ходе других потрясений XX в. Однако несмотря на это имеющиеся в архивах документы представляют собой весьма ценный материал для изучения новой и новейшей истории Сербии.

Складывание самостоятельной системы органов власти у сербов началось еще в тот период, когда большая часть сербского народа находилась в подданстве Османской империи. Стремление к независимости проявилось в создании правительственного совета и органов сербского суда и самоуправления в ходе Первого сербского восстания (1804—1813). Эта система была ликвидирована вместе с подавлением восстания, однако Второе сербское восстание (1815) уже необратимо пошатнуло позиции султана и вынудило его пойти на ряд уступок. Сербы получили право самостоятельного сбора податей, сербские старейшины обрели судебные полномочия, а в Белграде открылась Народная канцелярия, ставшая высшим административным и судебным органом⁹. В 1833 г. территориально расширилась полученная в 1830 г. автономия. Это открыло новую страницу в сербской истории, а кроме того, поставило вопрос о внутреннем устройстве автономного княжества и порядке управления его территорией.

Согласно решениям Скупщины (сербский парламент) в 1834 г. турецкая территориально-административная система заменялась на сербскую. Территория княжества разделялась на пять сердарств (областей) и двенадцать округов (бывшие нахии), состоявших из срезов (уездов). Спустя год, в соответствии с Конституцией 1835 г., упразднились сердарства, а административное деление Сербии распалось на округа, срезы и општины¹⁰. Каждый округ подразделялся на 3—5 срезов¹¹. Општина, в свою очередь, состояла из одного-двух сел или города¹². Такая система внутреннего деления Сербии существовала до начала XX в., при этом изменялось лишь количество административных единиц и их границы¹³.

Центральный аппарат в Сербии с 30-х гг. XIX в. состоял из князя (с 1882 г. — короля) и попечителей (с 1869 г. — министров)¹⁴. Система взаимодействия центральной власти с органами управления на местах утверждалась порядком, установленным Конституцией 1838 г., а также рядом законов, принятых в 1839 г. и касающихся устройства окружных и срезских правлений, утверждения должностей глав округов и срезов и определения полномочий этих органов и их руководителей¹⁵. Правление округа находилось во взаимодействии с правлением среза, а правление среза, в свою очередь, осуществляло коммуникацию с властями општин. Иными словами, исполнительная власть была представлена следующей цепочкой: министерства – окружное правление – срезское правление – општина. Таким образом, на момент обретения полной независимости (1878) в Сербии уже существовала отлаженная система взаимодействия центральной власти с населением. Эта система стала органичной институциональной основой для развития самостоятельного сербского государства.

Главными органами системы территориального управления, находившимися в прямом подчинении центрального правительства, были *окружные правления*. Ими руководили главы округов, на имя которых поступали различные распоряжения, чаще всего из Министерства внутренних дел, а также из министерств правосудия, просвещения, финансов, военных и иностранных дел. В штат правления также входили помощник главы, писарь и казначей.

Изначально окружное правление основывалось как полицейский орган, однако на практике ему приходилось решать более широкий спектр проблем. По этой причине со временем при правлениях образовывались такие подразделения, как казначейское, строительное, здравоохранительное, судебное и военное. По мере развития системы управления и увеличения объема делопроизводства окружное правление также передавало часть своих функций правлениям срезов, среди которых была выдача торговых паспортов и паспортов на передвижение, вы-

дача разрешений на вырубку леса или на осуществление коммерческой деятельности¹⁶.

В рамках правоохранительных функций окружное правление осуществляло розыскные мероприятия: поиск похищенного скота, беглых арестантов, выявление и задержание лиц, передвигающихся без паспорта, гайдуков и др. В этом оно опиралось на помощь местных властей. Свидетельством такого рода деятельности может служить письмо на имя главы Чернореченского округа, в котором властями Планиницкой општины сообщается о задержании ими беспаспортного «юноши в черной шляпе». В объяснительных показаниях молодой человек утверждал, что является слугой и приехал в город со своим господином на свадьбу. В ходе мероприятия юноша разминулся с хозяином, а потому был вынужден возвращаться домой один и без документов. Судьбой задержанного предстояло заняться правлению этого округа. Однако из письма следует, что доставить нарушителя в правление не удалось, «так как он сбежал, забыв свою шляпу»¹⁷.

Другой важной обязанностью окружного правления было обеспечение сопровождения турецким и иностранным официальным лицам по территории округа, организация их встречи и размещения. В архиве «Тимокская крайна» хранится документ, составленный на славяно-сербском языке и подписанный сербским князем Милошем Обреновичем в 1834 г., в котором князь просит правление Чернореченского округа на должном уровне обеспечить прием, сопровождение и смену лошадей русскому консулу Молдавии и Валахии барону Рикману в период передвижения консула по территории данного округа¹⁸.

Важное значение для рассмотрения правоохранительной функции окружных правлений имеют архивные материалы, связанные с бунтами и беспорядками. В архиве г. Заечара хранятся документы, относящиеся к Тимокскому восстанию 1883 г., вызванному изъятием у населения старого вооружения по случаю упразднения народного ополчения. Население, подстрекаемое радикальной партией, отказалось сдавать оружие, что привело к столкновениям крестьянских масс с королевской армией. Бунт принял широкий размах на территории Восточной Сербии, но был усмирен, а зачинщики и участники подверглись преследованиям со стороны властей. Список сел, принимавших участие в восстании, позволяет установить географию восстания¹⁹. Примечателен и документ, указывающий на то, что затраты на подавление восстания осуществлялись за счет тех жителей, которые в нем не участвовали. Однако спустя несколько лет правительство решило произвести в их пользу денежную компенсацию за счет налогов, собранных уже с лиц, принимавших участие в беспорядках²⁰.

Окружное правление находилось в тесном сотрудничестве с окружным судом и осуществляло всестороннее содействие в проведении следствий и исполнении судебных решений. Переписка с окружным судом содержит судебные постановления, описи собственности должников, повестки в суд, наложения секвестров, показания лиц, вовлеченных в тяжбы, коллективные жалобы, претензии от монастырей и отдельных лиц по различным нарушениям. Окружное правление оказывало содействие суду в розыскных мероприятиях, в продаже собственности должников и прочих операциях.

Помимо охраны правопорядка окружное правление несло ответственность за возведение и ремонт объектов государственного значения. В частности, речь идет о постройке и ремонте зданий окружной администрации, о строительстве мостов, ремонте дорог, организации почт, реставрации монастырей и церквей²¹. Этими работами руководил правительственный инженер. Ежегодно правление составляло отчет для Министерства по строительству о средствах, которые оно израсходовало на постройку и ремонт объектов инфраструктуры²².

При непосредственном участии окружного правления происходило и возведение стратегических объектов, таких как, например, казармы²³. Кроме того, правление осуществляло учет военнообязанных и решало другие вопросы, связанные с армией. С 1864 г. на основе Закона об устройстве армии при каждом правлении учреждалось военное отделение, которое осуществляло данные функции²⁴.

Через окружное правление производился целый ряд *финансовых операций*. Изначально финансовые вопросы решались в рамках полицейского отделения, а с 1844 г. указом попечительства финансов при правлениях создавались казначейские отделения²⁵. Через казначейство окружного правления происходила оплата судебных пошлин, регистрация долговых обязательств, займов, продажи, аренды и прочих сделок. Кроме того, казначей ведал списками окружных и срезских чиновников, по которым осуществлялась выплата заработной платы. В специальные протоколы заносились сведения обо всех денежных поступлениях и расходах, а также фиксировались отчисления в пользу школ и вдовствующих. Обо всем этом свидетельствуют архивные материалы: зарплатные ведомости, квитанции, налоговые документы и прочая отчетная документация. Деньги хранились в железной кассе, от которой имелось два ключа, один — у казначея, другой — у главы округа.

Окружное правление осуществляло *надзор над предпринимательским сектором*, обращая особое внимание на ведение дел в сферах прямого государственного интереса. В 1884 г. была введена государственная монополия на продажу табака²⁶. Монополия выражалась в том, что государство передавало право продажи табака крупным торговцам, которые

получали от государства разрешение на торговлю и были ответственны за поступление в казну табачных пошлин. В связи с этим окружные правления следили за качеством реализуемого товара и за тем, чтобы торговцы не прибегали к различным махинациям, сокращавшим поступления в казну (например, использование табачных примесей и т. п.). Так, документ, составленный специальной комиссией, созданной по распоряжению Чернореченского окружного правления для проверки качества табака в магазине одного из крупных табакоторговцев в г. Заечаре в 1887 г., свидетельствует о том, что в товар намешивались посторонние компоненты, не только причиняющие вред здоровью, но и вовсе делающие табак непригодным к употреблению²⁷.

Таким образом, окружное правление, кроме защиты интересов государственного бизнеса, исполняло и функции *санитарного контроля*. Оно также следило за состоянием больниц, эпидемиологической обстановкой, организовывало вакцинации и решало другие важные вопросы, связанные с охраной здоровья населения²⁸.

В компетенцию окружного правления входили вопросы, связанные с *образованием*. В фондах окружных правлений встречаются документы о работе школ: например, списки учителей, рекомендации к учебникам и преподаванию, распоряжения о порядке сдачи платных экзаменов и оснований для получения льгот²⁹.

Одной из прямых обязанностей окружного правления было информирование центральной власти о состоянии дел в округе. В связи с этим существовал порядок составления разнообразных отчетов³⁰. Все важные события в округе фиксировались в форме обычных пятнадцатидневных и месячных отчетов, отсылаемых в Министерство внутренних дел. Отчеты составлялись на основании семидневных донесений глав срезов о положении дел на вверенных им территориях³¹. По итогам года окружным правлением собирались отчеты о хозяйственных успехах с каждой општина округа. С этой целью в општина рассылались анкеты со стандартным набором вопросов, как, например: «Какая посевная культура преобладала в этом году и какой был собран урожай? Какими орудиями пользуются крестьяне и где они их берут? Каково было здоровье скота, не было ли каких болезней или эпидемий? Какими еще видами производства занимается население?» и т. п.³² Помимо регулярных отчетов главами правлений составлялись также и сообщения о происшествиях, имевших место в округах и срезах. Кроме того, встречаются архивные документы, свидетельствующие о том, что главы округов отчитывались не только перед Министерством внутренних дел, но и перед самим монархом. Они присылали ему сведения о состоянии дел в округе, о количестве больниц, школ, почт, монастырей, а также о лицах, осуществляющих

властные полномочия на территории округа³³. Все эти данные фиксировались в специальных ведомостях³⁴.

В отношении центральной власти окружное правление не только соблюдало строгую отчетность, но и исполняло функцию посредника с властями срезов и општин, было ответственным за доведение до сведения нижестоящих структур и населения информации об изменениях и новшествах в законодательстве, об актуальных указах и распоряжениях правительства.

Таким образом, окружное правление являлось связующим звеном между центральной властью и властью на местах, вело статистический учет, осуществляло финансовый контроль, следило за состоянием инфраструктуры, решало правовые и судебные вопросы, выполняло функции информационно-распорядительного центра, несло ответственность за состояние образования и здравоохранения в своем округе.

Территорию округа формировали срезы, власть в которых принадлежала срезскому правлению. По закону их первоочередной задачей было осуществление *охраны правопорядка и безопасности*³⁵. Законом определялся порядок принятия и рассмотрения этими органами запросов и распоряжений от других инстанций. По Конституции 1888 г. было предусмотрено ограниченное самоуправление срезов, а в 1890 г. устанавливалось двоевластие срезского главы, т. е. он становился представителем и государственной власти, и срезской скупщины (органа местного самоуправления)³⁶. Со временем внутреннее устройство срезского правления, как и окружного, менялось: в нем появлялись специальные отделения, такие как отделения по делам просвещения, финансов и здравоохранения. Это свидетельствует не только о развитии и разрастании аппарата, но и о повышении степени вовлеченности в его работу населения, а следовательно, об упрочении государственной системы.

Архивные материалы, отражающие работу срезских правлений, главным образом состоят из переписки глав срезов с руководителями округов и општин, в более редких случаях – с представителями центральной власти. Эти документы указывают на то, что в число важнейших функций срезского правления входило осуществление *контроля за деятельностью нижестоящих органов*, т. е. општинских властей, а именно донесение до их сведения актуальной информации, решение межопштинских споров, присмотр за состоянием общественного имущества и решение ряда других вопросов.

В частности, в этой переписке встречаются распоряжения главы срезса, касающиеся поддержания *хозяйственного порядка* на территории срезса. Примером может служить распоряжение о проверке состояния помещений продовольственных складов, адресованное властям општин: в случае ненадлежащего состояния складов жители општин должны

были провести ремонт или возвести новые объекты соответствующего назначения³⁷. Глава среза мог распорядиться о приведении в порядок территории сельского кладбища, о возведении на нем здания морга в целях соблюдения санитарно-эпидемиологического порядка³⁸. Вместе с тем население не всегда торопилось выполнять распоряжения подобного рода и, ссылаясь на страду и занятость, тянуло время. Это происходило не только потому, что от него требовались определенного рода материальные и трудовые затраты, но и потому, что попытки наведения порядка путем распоряжений «сверху» нарушали привычный (традиционный) характер ведения дел в сельском обществе. По этой причине в распоряжениях срезского главы нередко присутствовали угрозы призвать к личной ответственности кметов (сельских старост) за неисполнение указаний³⁹.

Кроме хозяйственных вопросов, правление среза решало спорные ситуации, возникавшие между жителями соседних општин. Подобного рода ситуацию иллюстрирует документ, содержащий жалобу к главе Болевацкого среза жителей одного села на жителей соседнего села, которые перекрыли старую дорогу к церкви в собственных хозяйственных интересах. Такое положение не только ошутимо нарушило привычное путевое сообщение, но и привело к конфликтам и стычкам между несогласными сторонами. Ознакомившись с сутью проблемы, срезский глава постановил разблокировать дорогу и восстановить прежнее сообщение между селами и церковью⁴⁰.

Срезское правление также могло исполнять и *роль представителя интересов општин* перед центральной властью. Примером такого взаимодействия может служить посредничество срезского правления в решении вопроса об оружии. Оружие в сербских домах во все времена было не только средством обороны, но и предметом гордости, личной и семейной реликвией, передававшейся от отца к сыну. С введением регулярной королевской армии властями в 1883 г. была предпринята попытка изъятия старого оружия у населения. Вызванное этим восстание было подавлено, оружие собрано, однако вопрос о его хранении у населения продолжал оставаться открытым. Для Тимокской крайны этот вопрос был особенно актуален ввиду близости государственной границы. Поэтому население настойчиво обращалось к центральному правительству с просьбой снабдить его оружием в целях обороны от нежелательных элементов. Жители општин писали обращения к главе среза, который, в свою очередь, ходатайствовал по этому запросу перед Министерством внутренних дел. Хранящийся в зачарском архиве документ свидетельствует о том, что министр внутренних дел отказал народу в выдаче оружия, но дал разрешение на его приобретение за собственный счет⁴¹.

Срезское правление следило за осуществлением *коммерческой деятельности* на своей территории. Оно осуществляло выдачу разрешений частным лицам на ведение того или иного вида предпринимательской деятельности⁴². Кроме того, оказывало консультации по юридическим вопросам, связанным с организацией коммерческой деятельности⁴³.

Правление среза контролировало *финансовую деятельность општин*. Власти општин не могли использовать внутренние средства по собственному усмотрению. Они должны были спрашивать у правления среза разрешение на распоряжение финансами, указывать цели расходов, источники доходов и предоставлять отчеты о состоянии баланса⁴⁴. Кроме того, срезское правление отвечало за выплату општинам компенсаций и взимание с них налогов и штрафов в соответствии с постановлениями правительства⁴⁵.

Нижним звеном в административной цепочке было правление општин. В силу того, что оно осуществляло непосредственный контакт власти с населением, рассмотрение его функций заслуживает особого внимания. Општин утверждались в 1839 г. как государственные органы местной администрации с элементами самоуправления⁴⁶. Составной частью ранних општин были *примирительные суды*, исполнявшие судебные и полицейские функции. Главным лицом в општине был кмет, являвшийся одновременно председателем примирительного суда и начальником администрации. Закон 1866 г. усложнил структуру општинского правления учреждением Совета општин и Собрания општин. Этот же закон реорганизовывал примирительные суды в *општинские суды*⁴⁷. Именно општинские суды становились главной инстанцией, ответственной за «присутствие» государства в жизни населения. В отношении своих судебных функций, општинские суды были подведомственны окружному суду, но в большинстве остальных вопросов они попадали и под контроль срезского правления.

Кроме структурных изменений, закон разделял должности председателя и кмета. Председатель, избираемый Собранием општин, олицетворял собой высшую исполнительную власть в општине и председательствовал в општинском суде. Кметы также избирались на Собрании општин, входили в число членов општинского суда и коллективно заботились о безопасности и мире внутри општин. Члены општинского суда несли высокую ответственность перед лицом государственной власти, которая могла назначить им, в случае неисполнения обязанностей, наказание в виде денежного штрафа или попросту снять с должности⁴⁸. Таким образом, општинский суд в XIX в. олицетворял собой государственную власть в масштабе одного-двух населенных пунктов и осуществлял *административные, полицейские и судебные функции*.

Архивные документы свидетельствуют о том, что деятельность општинских судов не ограничивалась решением конфликтных ситуаций и охраной правопорядка. Општинский суд решал хозяйственные и организационные вопросы, ведал финансами, обеспечивал правовую защиту населению и информировал его о наиболее важных событиях и новшествах в общественной жизни.

Перед вышестоящими органами општинские суды были ответственны за составление отчетов и статистических документов по своей территории. Кроме того, совместно с Министерством финансов и срезским правлением они отвечали за налоговые поступления в казну, за регулирование размеров и порядка денежных сборов. Через општинские суды также происходило привлечение частных сбережений на реализацию правительственных инициатив. К примеру, в 1895 г. правительство Его Величества разослало по општинам страны письмо, в котором сообщало, что в связи с учреждением Сербской корабельной компании выпущены акции по цене 100 динаров каждая, средства от реализации которых будут израсходованы на приобретение плавсредств. В письме содержалось обращение правительства к председателям општинских судов с просьбой разъяснить всю важность данной инициативы для интересов страны и «по-свойски» реализовать внутри каждой општинны не менее 10 акций данного предприятия⁴⁹. Как следует из другого источника, 100 динаров той поры составляли треть месячной платы општинского лекаря⁵⁰.

Општинские суды производили также сбор налогов и взимание штрафов. Любопытный пример нарушения, повлекшего за собой взимание штрафа, демонстрирует документ, содержащий список из 17 человек, которые были оштрафованы за то, что вопреки запрету главы среза продолжали носить шубару — национальный головной убор⁵¹. Општинский суд мог также взимать с населения пошлыны за рассмотрение бытовых конфликтов и споров, за оформление и заверение документов на право владения имуществом, за услуги писаря и другие операции нотариального характера.

Кроме того, општинский суд нес ответственность за исполнение населением воинской обязанности. По требованию вышестоящих органов он был обязан организовать явку всех лиц, годных к строевой службе, для прохождения военной комиссии⁵². За неявку хотя бы одного человека отвечать приходилось кмету. Кмет также нес персональную ответственность за своевременное возвращение к местам прохождения службы лиц, опущенных на побывку⁵³.

В фондах општинских правлений встречается переписка општинских судов со Старательским судом — органом, осуществлявшим опеку над земельными владениями, временно не имеющими полноправного вла-

дельца, т. е. подлежащими наследованию или принадлежащими несовершеннолетним. Старательский суд отслеживал судьбу земельных участков, оставшихся без полноправного хозяина, через општинские суды, с которых требовал предоставления сведений о бесхозных владениях и оформления их в соответствующий статус. В свою очередь, општинский суд был заинтересован решать судьбу таких земельных участков на местном уровне без вмешательства посторонних органов, а потому старался любым способом нейтрализовать их инициативу. Архивные документы приводят примеры случаев, когда власти општинны на протяжении нескольких лет после смерти землевладельца оттягивали оформление освобожденного участка в распоряжение Старательского суда, игнорируя все его притязания. За это время они находили нового владельца, после чего ставили суд перед фактом: «Никакой потребности в оформлении земли покойного нет, так как существует наследник, хороший работник, который исправно ведет хозяйство и по долгам платит»⁵⁴.

Одной из важнейших функций општинских судов было своевременное *оповещение населения о делах государственной важности*, о текущих и предстоящих событиях всенародного значения, а также разъяснение новых и действующих законов и правил. Распоряжения центрального правительства о донесении до знания населения той или иной информации обычно поступали на имя председателя општинского суда через правление среза. Кроме того, општинские суды должны были осуществлять подписку на центральные газеты, так как само население еще не обладало должным уровнем грамотности для самостоятельного ознакомления с текущими событиями. В частности, в донесении окружного начальника о состоянии читален в Чернореченском округе в 1868 г. говорится: «Как известно, в этом округе, кроме окружного центра, нет ни одного населенного пункта, где бы люди хотя бы немного умели читать»⁵⁵. Таким образом, општинские суды должны были также исполнять и *информационно-просветительскую функцию*.

Вместе с тем, кроме чисто медийной функции, информирование населения преследовало и другую, на первый взгляд отнюдь не очевидную, задачу, а именно воспитание у населения чувства принадлежности к государству и чувство уважения и почтения к монархическому порядку. На это указывает манера и логика повествования в такого рода документах. Одним из ярчайших по содержанию документов в заечарском архиве, предназначенных для прочтения населению, является Сообщение для всех општин в связи с Тимокским восстанием⁵⁶. В документе излагается правительственная версия произошедшего, в которой повествуется о блестящих победах королевской армии при проведении операций по восстановлению

общественного порядка. Не менее красочно в рассказе описывается предательское и трусливое поведение лидеров восстания, «смутьянов» и «обманщиков», которые каждый раз при виде королевской армии бежали врассыпную, оставляя ими же самими поднятый на восстание народ без руководства. Всюду, где появлялась королевская армия, народ немедленно складывал оружие и выражал повиновение, а зачинщики беспорядков подлежали казни. Председателям општинских судов вменялось донести до сведения населения эту информацию. Несмотря на то, что документ не содержит каких-либо других императивов и призывов, очевидно, что реакцией на прочтение подобного рода документа должна стать лояльность и солидарность в отношении королевской власти.

Примером другого документа, предназначенного исключительно для оглашения его содержания на всеобщем собрании, может служить следующее донесение: «Его величество Король и Королева в добром здравии прибыли вчера в 7 часов вечера в Белград. Они были встречены многочисленным народом на улицах и на набережной р. Савы»⁵⁷. Судя по всему, сообщение не преследовало целью известить народ непосредственно о перемещениях королевской четы, так как в сообщении не указывается, откуда она прибыла. Можно лишь предполагать, что чета прибыла из г. Ниша, т. к. последние опубликованные в центральной прессе законы были подписаны королем именно там, а кроме того, там находилась его вторая резиденция⁵⁸. Вероятно, большее впечатление на слушателя должны были произвести слова «встречены многочисленным народом». Их смысл сводится к тому, что народ любит своего короля, массово радуется его возвращению, а значит, королевская власть популярна, и факт этот не может подвергаться сомнению.

В числе документов, составленных для обнародования их содержания на сборе, встречаются и разъяснения в отношении новых законов. Министр внутренних дел рассылал нововведения в законодательстве главам срезов, которые, в свою очередь, адаптировали их для оглашения в општинах и рассылали по општинским судам. Примером таких документов могут быть Новые правила о торговле табаком в связи с введением на него государственной монополии⁵⁹. Правила предусматривали механизм упразднения мелкой розничной торговли посредством продажи торговцами оставшихся у них партий табака и инструментов для его обработки более крупным торговцам или вывоза их за границу. Другим примером документа разъяснительного характера может служить распоряжение о новых правилах ведения охоты, оговаривающее календарные сроки и виды дичи, разрешенной к отстрелу⁶⁰.

Еще одним примечательным примером документа оповестительного характера может служить сообщение министра внутренних дел о распространении в Сербии филаксеры. Зараза, погубившая виноградники по всей Европе, первоначально была завезена во Францию в 1863 г. из Америки⁶¹. Спустя два десятилетия она добралась до Сербии и стала причиной грандиозных убытков в одной из ведущих отраслей сербской экономики. Правительство приняло закон о мерах против филаксеры⁶². Однако до начала XX в. наука не знала эффективных способов противостояния болезни. Единственной мерой против распространения заразы было ограждение виноградников от контакта с привозными культурами и новыми сортами и повсеместное информирование об этом населения. В связи с этим председателям општинских судов вменялось в обязанность растолковать всем жителям о надвигающейся опасности и о необходимости принятия мер предосторожности⁶³.

Все приведенные выше примеры свидетельствуют о том, что општинские суды играли важнейшую роль в государственной системе, так как были *проводниками правительственной политики в жизнь*. И если окружные правления по большей части несли ответственность за материальные ресурсы государства, то општинские суды отвечали главным образом за ресурсы людские.

Анализ архивных документов позволяет также сделать вывод о том, что в XIX в. органы территориального управления Сербии отличались универсальностью возложенных на них функций и полномочий. Формат работы этих органов во многом определялся насущными потребностями и текущим состоянием дел, а не четко прописанными правилами. Это заставляло чиновников быть компетентными в слишком широком круге проблем, что не могло позитивным образом сказываться на качестве и оперативности их деятельности. Закономерно, что со временем при правлениях округов и срезов назрела потребность в разделении сфер решаемых вопросов.

Появление специализированных подразделений при правлениях свидетельствовало не только об эволюции государственной системы, но и о росте сознательности самих граждан, так как все больше вопросов решалось через установленные институты. В обращениях населения к властям нередко встречаются просьбы разобраться в ситуации «в соответствии с законом». Фонды општинских судов изобилуют документами, связанными с мелкими бытовыми конфликтами, с которыми частные лица предпочитали обращаться в компетентные органы. Нередко в суд шли даже с требованиями денежной компенсации от обидчика за нанесение словесных оскорблений⁶⁴. Если сравнить отношение к закону сербских и российских крестьян к аналогичному

закону в Российской империи конца XIX – начала XX в., то обнаружится совершенно противоположная картина. Исследователи крестьянского быта в России этого периода отмечают, что, несмотря на существование системы волостных, земских, уездных и окружных судов, куда крестьяне могли обращаться за разрешением конфликтных ситуаций и споров, они (в большинстве случаев) предпочитали разбираться в них самостоятельно, даже если дело касалось крупных преступлений, и избегали обращений к государственным чиновникам и писаным законам⁶⁵.

Таким образом, материалы из фондов сербских исторических архивов содержат не только сведения о развитии самих государственных институтов в Сербии в XIX в., но и позволяют проследить изменения, происшедшие в тот период в общественном сознании. Кроме того, что подобного рода архивные документы затрагивают множество событийных сюжетов и фактов, они отражают их внутреннее содержание, нередко упускаемое из виду повествователями истории. Знакомство с фондами территориальных исторических архивов позволяет по-иному взглянуть на многие уже, казалось бы, знакомые страницы истории. Поскольку в российской балканистике потенциал архивной сети Сербии задействован мало, обращение к нему открывает определенные перспективы для будущих исследований.

---

¹ См.: *Кром М. М.* Историческая антропология. СПб., 2004. С. 119.

² См.: Новый образ исторической науки в век глобализации и информатизации: сб. ст.: М., 2005; *Бадалян Л. Г., Криворотов В. Ф.* История. Кризисы. Перспективы : Новый взгляд на прошлое и будущее. М., 2010.

³ См.: *Законы истории : Вековые циклы и тысячелетние тренды. Демография, экономика, войны.* М., 2007. С. 3.

⁴ См. об этом: *Малинецкий Г. Г.* Теоретическая история и математика // История и математика. Макроисторическая динамика общества и государства. М., 2007. С. 7.

⁵ См.: *Литаврин Г. Г.* Мироощущение и ментальность балканских народов. Национальные идеалы, ценности и герои // Человек на Балканах в эпоху кризисов и этнополитических столкновений XX в. СПб., 2002. С. 15; *Петрович Л.* Сербия в модернизационных процессах XIX—XX веков // Человек на Балканах. Социокультурные измерения процесса модернизации на Балканах (середина XIX – начало XX в). СПб., 2007. С. 16; *Игнатьев Р. Н.* Власть в селе и власть села (по материалам Воеводины XIX—XX вв.) // Человек на Балканах. Власть и общество. Опыт взаимодействия. СПб., 2009. С. 40.

⁶ См.: *Белов М. В.* У истоков сербской национальной идеологии: механизмы формирования и специфика развития (конец XVIII – середина 30-х гг. XIX века). СПб., 2007; *Человек на Балканах. Государство и его институты: гримасы политической модернизации (последняя четверть XIX – начало XX в.)* : сб. ст. СПб., 2006; *Двести лет новой Сербской государственности : к юбилею начала Первого сербского восстания 1804—1813 гг.* СПб., 2005; и др.

⁷ См.: *Љушић Р.* Српска државност 19. века. Београд, 2008. С. 200.

⁸ См. об этом: Решење о утврђивању територије архива // Службени гласник Републике Србије. 1996. № 7.

⁹ См.: *Ђоровић В.* Историја Срба. Београд, 2006. С. 586.

¹⁰ Уставъ Княжества Сербис. Гл. 1, п. 2. Крагуевац, 1835. С. 3.

¹¹ *Dorđević S.* Sistem lokalne samouprave u Srbiji i Jugoslaviji (1804—2000) // *Uperedna iskustva lokalnih samouprava.* Београд, 2002. С. 241.

¹² В данном случае представляется целесообразным оставить без перевода сербское слово «општина», так как, несмотря на его лингвистическую идентичность с русским словом «община», слова эти обозначают разные по сути явления. Если в России общиной называлась группа людей, обладавших коллективной собственностью на землю, то в сербском варианте это была группа земельных собственников, проживавших на территории, формировавшей административную единицу.

¹³ Зборник закона и уредаба у Краљевини Србији. Београд, 1896. С. 152—154.

¹⁴ Устав Књажества Сербие. Гл. 6, ст. 99. Београд, 1869.

¹⁵ Зборник закона и уредаба. I, 78—83.

¹⁶ *Јовановић М.* Фонд начелства округа Јагодинског // *Корени.* № 1. 2003.

¹⁷ Исторический Архив Заечар (далее – ИАЗ), Ф. ОП-А Фасц. IV. Оп. 2. Л. 103 Письмо начальнику округа Чернореченского о задержании человека без паспорта (1884).

¹⁸ ИАЗ Ф. ЦОН-А. Фасц. II. Оп. 6 Л. 1. Милош Обренович главе Чернореченского округа (1834).

¹⁹ Там же. Фасц. IV. Оп. 602 Л. 2. Список сел, участвовавших в восстании (1884).

²⁰ Там же. Оп. 619 Л. 1. О компенсации затрат на содержание армии, полученных от мирного населения (1891).

²¹ Там же. Фасц. I. Оп. 95 Л. 1. Главная смета расходов на постройку здания окружного правления (1859).

²² Там же. Фасц. IV. Оп. 168. Л. 1. Ревизия работ, произведенных на путях сообщения, мостах и в публичных зданиях (1891).

²³ ИАЗ Ф. ЦОН-А Фасц. II. Оп. 150 Л. 11. Документы о строительстве артиллерийской казармы в г. Заечаре (1889—1895).

²⁴ *Vojna enciklopedija.* Т. 9. Београд, 1975. С. 52.

²⁵ Зборник закона и уредаба. Т. 2. С. 225, 304.

²⁶ *Мијатовић Б.* Дуван и српска држава у XIX веку. Београд, 2006. С. 47.

²⁷ ИАЗ Ф. ЦОН-А. Фасц. II. Оп. 120 Л. 1 Осмотр табака в магазине Найдана Шишка.

²⁸ *Vasilić V.* Vodič Međupštinskog istorijskog arhiva Čačak. Čačak, 1988.

²⁹ ИАЗ Ф. НСЗЗ-А. Фасц. I. Оп. 1. О порядке взимания платы учителями с учеников за сдачу экзаменов (1881).

³⁰ Архив Сербии Ф НОJ Фасц. VII. Оп.49 Л.1 Инструкция попечительства внутренних дел о порядке предоставления отчетов (1841).

³¹ *Јовановић М.* Фонд начелства округа ...

³² ИАЗ Ф.ОП-А. Фасц. IV. Оп. 1 Л. 1. Годовой отчет о состоянии сельского хозяйства (1883).

³³ ИАЗ НОК-А. Фасц. I. Оп. 108 Л. 1. Письмо главы Княжевацкого округа князю Милошу Обреновичу (1860).

³⁴ Там же. Фасц. IV. Оп. 630. Л. 16. Список општин округа Тимокского с указанием числа жителей, школ и церквей (1895).

³⁵ Сборник закона и уредба и уредбени указа изданих у Књажеству Србији. Београд, 1953. С. 78.

³⁶ *Радованович Б.* Хроника среза Левачког // Корени, 2006.

³⁷ ИАЗ Ф.ОП-А Фасц. IV. Оп. 2. Л. 149. Распоряжение главы Болевацкого среза о приведении в надлежащее состояние помещений для хранения продовольствия (1884).

³⁸ Там же. Л. 148. Третичное распоряжение главы Болевацкого среза о постройке здания морга (1884).

³⁹ Там же. Л. 56. О личной ответственности кмета в случае невозвращения военнослужащего из увольнительной (1884).

⁴⁰ Там же. Л. 79. Жалоба о заграждении дороги жителями соседнего села (1884).

⁴¹ Там же. Фасц. IV-2. Оп. 126 Л. 1. О снабжении населения оружием (1884).

⁴² ИАЗ Ф.ЦОН-А Фасц. II. Оп. 148. Л. 1 Удостоверение, выданное Йовану Ристичу из Заграджа, в том, что он может вести гостинично-ресторанный бизнес (1895).

⁴³ ИАЗ Ф.ОП-А Фасц. IV-2. Оп. 128. Л. 1. Об открытии придорожных трактиров (1884).

⁴⁴ Там же. Оп. 139. Л. 1. Разрешение на расходование средств на ремонт здания и приобретения школьных принадлежностей (1884).

⁴⁵ Там же. Оп. 107. О взимании налога с жителей сел участвовавших в восстании (1884).

⁴⁶ Сборник закона и уредба, и уредбених указа: изданих у Књажеству Србскомь. 1, Одъ времена обнародованогъ устава земальскогъ (13. Февр. 1839. до Апр. мес. 1840). Београд, 1840. С. 94.

⁴⁷ Сборник закона и уредаба у Књажеству Србији, 19. Од почетка до краја 1866. године. Београд, 1866. С. 1.

⁴⁸ Два века првог суда у Србији. Београд, 2004. С. 13.

⁴⁹ ИАЗ Ф.ОВР-А Фасц. I. Оп. 26. Л. 1. О реализации акций Сербской корабельной компании (1895).

⁵⁰ Српске новине. № 1. 1895. С. 4.

⁵¹ ИАЗ Ф.ОП-А. Фасц. IV-2. Оп. 80. Л. 2. Штраф за ношение шубары (1884).

⁵² ИАЗ Ф.ОП-А Фасц. IV-2. Оп. 1. Л. 1. О прохождении комиссии, проводящей учет военнообязанного населения (1884).

⁵³ Там же. Оп. 51. Л. 1. О порядке увольнения военнослужащих (1884).

⁵⁴ Там же. Оп. 130. Л. 3. Дело о наследстве покойного Велько Стояновича из Планиницы (1884).

⁵⁵ Акт Окружного начелства у Зајечару, бр. 5894, од 30. XII 1868, ИАЗ; цит. по: Вельковић, Славољуб. Од читалишта до јавне библиотеке // Гацовић, Славољуб, Вельковић, Стеван. Од читалишта до народне библиотеке у Зајечару (1866—1996). Зајечар, 2001. С. 30.

⁵⁶ ИАЗ Ф.ОП-А. Фасц. IV-2. Оп. 152. Л. 2. Сообщение для всех општин в связи с восстанием (1883).

⁵⁷ ИАЗ ОП-А. Фасц. IV-2. Оп. 114. Л. 1. Сообщение о прибытии Его Величества в Белград (1884).

⁵⁸ *Ловрић Б.* Историја Ниша. Ниш, 1928.

⁵⁹ ИАЗ Ф.ОП-А Фасц. IV-2. Оп. 156 Л. 1. О новых правилах торговли табаком (1884).

⁶⁰ Там же. Оп. 69. Л. 1. О правилах охоты (1884).

⁶¹ *Daszkiewicz A.* Filoksera. Historia żółtej mszycy // Wino. 2006. № 21.

⁶² *Ђорђевић Д.* Шуљагић В. Чекајући закон // Агросвет. № 18, 2007. С. 23.

⁶³ ИАЗ Ф.ОП-А Фасц. IV-2. Оп. 117. Л. 9. Меры по борьбе с филаксерой (1884).

⁶⁴ Там же. Оп. 27. Л. 2. Жалоба Стании, жены Милосава Р. Лоповича (1884).

⁶⁵ *Тенишев В. В.* Правосудие в русском крестьянском быту. М., 2011. С. 9.